

УДК 821.161.1

«Гомеровский» след в философских воззрениях И.С. Тургенева**Скоропадская Анна Александровна**

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедра классической филологии, русской литературы и журналистики
Институт филологии,
Петрозаводский государственный университет,
185910, Российская Федерация, Петрозаводск, просп. Ленина, 33;
e-mail: san19770@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются примеры гомеровских цитат, приводимых И.С. Тургеневым в своей переписке. Ориентируясь на немецкий перевод Г. Фосса, Тургенев интерпретирует некоторые гомеровские образы в духе космического трагизма. Между тем гомеровское мироощущение не пессимистично: при помощи природных образов Гомер пластично передает закономерности мировой гармонии. Возможно, отчасти этим античным пониманием можно объяснить отступление от космического трагизма позднего Тургенева.

Для цитирования в научных исследованиях

Скоропадская А.А. «Гомеровский» след в философских воззрениях И.С. Тургенева // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 3А. С. 277-286.

Ключевые слова

Гомер, И.С. Тургенев, античная традиция, космический космизм, мировая гармония.

Введение

Как известно, Гомер был непререкаемым авторитетом для И. Тургенева, что неоднократно подтверждалось самим писателем в переписке и публицистике. Гомеровские темы и образы встречаются и в художественных и в эпистолярных трудах русского классика. В рамках статьи мы попытаемся через непосредственные обращения Тургенева к Гомеру или гомеровским текстам проследить, каким образом древнегреческий поэт мог оказать влияние на эстетические и философские взгляды русского писателя.

Гомер в переписке И.С. Тургенева

Символично первое упоминание Гомера в переписке Тургенева: в письме М.А. Бакунину и А.П. Ефремову от 27-29 августа 1840 года, шутливо предваренном латинским обращением к друзьям, первые строки основного текста письма таковы «Мне очень досадно, что я с собой не взял Гомера. Как было бы мне отраднo скитаться в сосновом лесу и читать о битвах *der lanzenkundigen Manner*¹! Душа желает поплавать в эпическом море. *Das erste Kunstwerk eines Volks, das Wiederleben im Gesange seiner Vergangenheit*². И какой народ – какие образы! А у меня был же и сиротеет теперь на полке милый Фосс» (I, 162)³. Приводимое письмо ярко демонстрирует ту значимую роль, которую Гомер играл в мировосприятии Тургенева: тогда будущий писатель, находясь в заграничной поездке по Европе, воспринимает окрестности курорта Мариенбада через призму гомеровских образов; пока еще не сформулированные писательские потенции психологически выражаются в желании плавать «в эпическом море», плавать еще как читатель, но читатель тонко чувствующий и глубоко образованный.

Тургенев получил блестящее образование, был прекрасно знаком с античной традицией и довольно хорошо знал классические языки (например, одна из его экзаменационных работ в университете была написана на латинском языке и посвящена эпиграммам Гомера). Тургеневские письма изобилуют цитатами римских авторов, причем зачастую цитирование дается непосредственно на латинском языке, иногда с некоторой долей импровизации, что свидетельствует, в частности, о том, что цитата приводится по памяти. Если же говорить о цитатах из Гомера, то их Тургенев приводит на немецком и французском языках, не используя древнегреческого оригинала. Одна из причин этого заключается в том, с гомеровским текстом писатель знакомился по популярному переводу И.Г. Фосса, изданию, которое он ценил на протяжении всей своей жизни. Так, в письме С.А. Миллер от 12 октября 1853 года, Тургенев дает следующую рекомендацию: «знаете ли вы Гомера? Возьмите Одиссею, хоть в переводе Фосса, и прочтите или перечтите ее. Эта молодость и свежесть, эта словно вечно смеющимся солнцем озаренная жизнь – вся эта прелесть первого появления поэзии в устах бессмертного и счастливого народа – лучше всего отвратит вас от <...> возни с своей больной личностью, которой, посреди всех новейших писателей, отличается и Жан-Поль» (II, 260). Фоссовский перевод был очень популярен в России XIX века как у читателей, так и у русских переводчиков Гомера. Высокое мнение о Фоссе как переводчике оставили В. Жуковский, А. Пушкин, Н. Гнедич, В. Кюхельбекер, К. Батюшков, Н. Гоголь. Переводческой удачей Фосса было то, что «Илиаду» и «Одиссею» он переводил не дословно, а специально для этих текстов создал поэтический язык, совмещающий в себе современный

1 ратных людей (*нем.*)

2 Первое творение народа, оживание в напевах его прошлого (*нем.*)

3 Тексты писем И.С.Тургенева даются по изданию: Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1982-2015. В круглых скобках указание тома и страницы.

ему немецкий язык, старые немецкие слова и народную лексику. «Принципом Фосса было не приближать оригинал к читателю путем уступок привычкам читателя и, следовательно, изменений оригинала, но заставить читателя сделать шаги в сторону оригинала по языковой лестнице перевода: подальше от языка читателя и несколько ближе к языку оригинала» [Егунов, 2001, 181].

Тургеневская интерпретация гомеровских стихов, цитируемых в письмах, явно дается под влиянием немецкого текста. Наиболее ярко это видно в цитировании знаменитого места из VI песни «Илиады», где Главк сравнивает человеческие жизни с опадающей листвой:

οἷη περ φύλλων γενεὴ τοῖη δὲ καὶ ἀνδρῶν.
 φύλλα τὰ μὲν τ' ἄνεμος χαμάδις χέει, ἄλλα δὲ θ' ὕλη
 τηλεθόωσα φύει, ἔαρος δ' ἐπιγίγνεται ὥρη:
 ὧς ἀνδρῶν γενεὴ ἧ μὲν φύει ἧ δ' ἀπολήγει (146-149)⁴.

Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков:

Ветер одни по земле развевает, другие дубрава,
 Вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают;
 Так человеки: сии нарождаются, те погибают⁵.

Примечательно, что к этой цитате Тургенев обращается дважды. Первый раз в письме А. Фету от 13 октября 1869 года по поводу плохого состояния здоровья В.П. Боткина он замечает: «O armes Menschengeschlecht, dem Laube des Waldes vergleichbar!» – восклицал уже Гомер» (X, 63). И 20 июля 1873 года снова А. Фету, но уже по поводу здоровья Ф. Тютчева, Тургенев пишет, цитируя по-немецки: «Говорят, бедный Ф.И. Тютчев совсем при смерти; очень его будет жаль. «Unglückliches Menschengeschlecht, dem Laube des Waldes vergleichbar...» (XII, 194). Как видно, оба раза цитата приводится на немецком языке и неточно. Немецкий перевод Фосса выглядит следующим образом:

Gleich wie Blätter im Walde, so sind die Geschlechter der Menschen;
 Einige streuet der Wind auf die Erd' hin, andere wieder
 Treibt der knospende Wald, erzeugt in des Frühlings Wärme:
 So der Menschen Geschlecht, dies wächst, und jenes verschwindet⁶.

В переводе на русский язык:

Равно (одинаково), как листья в лесу, таковы и рода человечьи:
 Одних ветер сдувает на землю, других вновь
 создает расцветающий лес, растит в весеннем тепле.
 Таков человеческий род: этот возрастает, другой исчезает (Пер.)⁷.

4 Древнегреческий текст Гомера дается по изданию: Homerus. Ilias: 2 vol. V. I. Lipsiae: in aedibus V.G. Teubneri, 1902. 514 p.

5 Перевод Н.И. Гнедича дается по изданию: Гомер. Илиада. Л.: Наука, 1990. 560 с.

6 Немецкий перевод Илиады дается по электронному изданию: Homer. Ilias: in der Übersetzung von Johann Heinrich Voß. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/ilias-1821/1>

7 Подстрочный перевод Ю. Бурканова.

Влияние немецкого перевода Г. Фосса на понимание Тургеневым гомеровского сравнения

В гомеровском тексте (вслед за ним в немецком и русском переводах) человеческие жизни уподобляются опадающей и вновь появляющейся листве, и это уподобление делается без какой-либо эмоциональной оценки. По замечанию А.Ф. Лосева, подробно исследовавшего гомеровскую поэтику и эстетику, природные образы у Гомера даются с позиции эпического художника, уже отошедшего от своего тождества с природой, но еще не осознающего себя личностью в разнообразии и глубине переживаний: «Этот принцип делает картины природы у Гомера лишенными психологизма, но все же человечески живыми; он делает их структурно-зрительными и пластически-весомыми, но все же человечески ясными, прозрачными, убедительными, а иной раз даже и грандиозно драматическими и потрясающими и, в то же время, умиротворенно спокойными и равновесными» [Лосев, 2000, 114]. Тургенев же, прибегая к гомеровской цитате, использует оценочные прилагательные *armes* (*бедный*) и *Unglückliches* (*несчастный*), ими характеризуя человеческий род. Этого нет в греческом первоисточнике.

Причины подобного вольного цитирования можно найти в том, что Тургенев, приводя цитаты по памяти, совмещает несколько мест «Илиады», в которых присутствуют размышления о скоротечности и бренности человеческой жизни. Например, песнь XVII, 445-447:

Разве, чтоб вы с *человеками бедными* скорби познали?

Ибо из тварей, которые дышат и ползают в прахе,

Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека.

Etwa daß Gram ihr ertrügt mit den *unglückseligen Menschen*?

Denn kein anderes Wesen ist jammervoller auf Erden,

Als der Mensch, von allem, was Leben haucht und sich reget.

Или песнь XXIV, стихи 225-226:

Боги судили всеильные нам, человекам *несчастливым*,

Жить на земле в огорчениях: боги одни беспечальны.

Also bestimmten die Götter der *elenden* Sterblichen Schicksal,

Bang' in Gram zu leben; allein sie selber sind sorglos.

Подобное совмещение разных мест «Илиады» говорит о тургеневском понимании гомеровского сравнения: в восприятии русского писателя мысль о скоротечности человеческой жизни принимает трагичный, пессимистичный характер. Между тем мироощущение Гомера отнюдь не трагично, оно отражает «парадокс человеческой жизни вообще, эфемерной в своем единичном физическом качестве, но бессмертной в смысле развития человеческого рода и торжества его духа» [Фролов, 1991, 31]. Гомеровское сравнение рисует образное решение вечного вопроса о смысле жизни: рождающиеся и умирающие поколения людей – стадии великого жизненного процесса, они и есть сама жизнь. Болезненный пессимизм Тургенева по отношению к смыслу жизни остро был выражен им в очерке «Довольно», создававшемся в

период с 1862 по 1864 гг. Здесь тема равнодушной по отношению к жизни человека природы дана в по-гомеровски развернутом сравнении, в котором использованы образы обнаженного осеннего леса и гибнущих на его краю мошек: «Проникнувшись *этим* сознанием, отведав *этой* полыни, никакой уже мед не покажется сладким – и даже то высшее, то сладчайшее счастье, счастье любви, полного сближения, безвозвратной преданности – даже оно теряет все свое обаяние; все его достоинство уничтожается его собственной малостью, его краткостью. Ну да: человек полюбил, загорелся, залепетал о вечном блаженстве, о бессмертных наслаждениях – смотришь: давным-давно уже нет следа самого того червя, который выел последний остаток его иссохшего языка. Так, поздней осенью, в морозный день, когда все безжизненно и немо в поседелой траве, на окраине обнаженного леса, – стоит солнцу выйти на миг из тумана, пристально взглянуть на застывшую землю – тотчас отовсюду поднимутся мошки: они играют в теплом его луче, хлопчут, толкуются вверх, вниз, выются друг около друга... Солнце скроется – мошки валяются слабым дождем – и конец их мгновенной жизни» (VII, 227).

Тема творчества как продолжение темы природы

Помимо гомеровских аллюзий в создании этого образа нам видится еще один источник – «Наука поэзии» Горация, где, в частности, лесу уподобляется словесное искусство и это уподобление навеяно гомеровским образом:

Ut silvae foliis pronos mutantur in annos,
prima cadunt: ita verborum vetus interit aetas,
et iuvenum ritu florent modo nata vigentque.
debemur morti nos nostraque⁸

Словно леса меняют листву, обновляясь с годами,
Так и слова: что раньше взросло, то и раньше погибнет,
А молодые ростки расцветут и наполнятся силой.
Смерти подвластны и мы и все, что воздвигнуто нами⁹ (60-63).

Язык и использующая его поэзия – часть Природы, живой и вечно меняющейся. Продолжая эту мысль, Гораций говорит следующее:

nedum sermonum stet honos et gratia vivax.
multa renascentur quae iam cecidere cadentque
quae nunc sunt in honore vocabula, si volet usus,
quem penes arbitrium est et ius et norma loquendi.

Вечно ли будет язык одинаково жив и прекрасен?
Нет, возродятся слова, которые ныне забыты,

8 Тексты Горация цитируются по изданию: Die Gedichte des Q. Horatius Flaccus. Verlag Von B. G. Teubner, Leipzig-Berlin, 1919.

9 Перевод М. Гаспарова. Дается по интернет-ресурсу: URL: <http://www.horatius.ru/index.xps?3.1101>

И позабудутся те, что в чести, – коль захочет обычай
Тот, что диктует и меру, и вкус, и закон нашей речи (69-72).

Как лес меняет листву, так и язык изменяется, в нем рождаются и умирают слова, и этим он близок природе. Но красота языка (= литературы, поэзии) зависит и от «обычая», от тех законов, которые действуют в мире человека. И тут природа становится непревзойденным образцом, на который может и должен ориентироваться художник. Тургеневу близок этот подход к жизни и творчеству, в центре которого человек в непосредственной связи с природой. Но у Тургенева эта связь приобретает фатальный, трагический характер. По замечанию исследователя К.Г. Чмшкяна, интерпретирующего очерк «Довольно», «вся творческая деятельность человека – ничто перед разрушительной стихией природы; она уничтожает произведения искусства, как и самого человека. И эта брэнность искусства, его тлен и прах лишали Тургенева бодрости и веры» [Чмшкян, 1957, 89]. Космический пессимизм Тургенева подпитывался его устойчивым представлением об отсутствии в мире абсолютного безусловного содержания. Однако нужно понимать, что для мировоззрения Тургенева в целом была свойственна борьба противоположных начал: «наряду с пониманием вселенской жизни как Ничто, он в своих произведениях прославлял вселенскую гармонию, которая возникает из всеобщего разъединения» [Курляндская, 2010, 9]. По мнению некоторых исследователей, своеобразным проводником, выводящим из трагического тупика, для Тургенева становится христианское миропонимание [Кренжолек, 2009, 25-29; Коньшев, 2008, 175-186]. Нисколько не умаляя значимости христианского контекста, без которого немислимо понимание русской культуры, хотим все же заметить, что непременно должна учитываться и античная составляющая, тем более что именно в античности было заложено и разработано объемное представление о мировой гармонии. Вновь сошлемся на А.Ф. Лосева, утверждавшего тесную связь античности и христианства при четком понимании антонимичной природы этих культур: «античная гармония имеет существенный для нее атрибут вечности, а христианская гармония мира – вещь временная и, в общем, безусловно неустойчивая. По существу, мировая гармония для христиан – это тоска по неосуществленному до конца из-за грехопадения человека божественному плану. Христианин не видит и не мыслит гармонию, а верит в ее существование. Античность же, если она была пантеистически направлена, непосредственно упивалась гармонией» [Лосев, 1994, 53-54]. Онтологический акцент античности мог стать одним из путей преодоления космического пессимизма Тургенева: гомеровское сравнение, понимание с позиции листка (= личности, человеческой жизни) трагично, а с точки зрения дерева (= природы, мира, вселенной), сбрасывающего старую листву, чтобы весной на нем появилась листва свежая, – гармонично.

Последний этап жизни и творчества Тургенева ознаменовался некоторым пересмотром его недавних пессимистических по отношению к бессмертию искусства убеждений. Так, по мнению В.М. Головки, «раскрывая противоречивое единство жизни и смерти, человека и природы, личности и общества, Тургенев, мыслитель и художник, показывал закономерно-

сти обновления, бесконечность бытия, утверждал гуманистическую веру в глубокий смысл человеческой истории, социального развития» [Головко, 1989, 161].

Один из природных образов, точнее образ дерева, неоднократно используется Тургеневым, для того чтобы пластично передать идею развития таланта. В достаточно откровенном письме Д.И. Писареву от 10 мая 1867 года Тургенев рассуждает следующим образом: «Я, с одной стороны, очень хорошо знаю, что всякий талант, как всякое дерево, дает только те плоды, которые ему приличествуют, однако, с другой стороны, я не делаю себе никаких иллюзий насчет моего таланта – моего дерева – и вижу в нем весьма обыкновенную, едва привитую российскую яблоню» (VII, 204). Аналогию с деревом находим и в письме, адресованном Л.Ф. Нелидовой (от 20 января 1883 года), пожалуй, последнем письме Тургенева, касающемся размышлений о сути творческого процесса; находим следующее: «И как это настоящему, живому таланту писать разное, смотря по побуждениям? Не говорит же яблоня про свои плоды: это у меня яблочки так, между прочим, а вот, посмотрите, какое я для себя высижу яблочко! <...> Пишите просто, искренно то, что Вас занимает, я бы даже сказал, что Вас забавляет – и если у Вас есть живой талант, природный дар – то будет хорошо» (XII (2), 158). Образ дерева становится зримым воплощением убеждения Тургенева в том, что главное в писателе – талант, дарованный природой. Отсюда вытекает его требование к художнику: руководствуясь своим дарованием, писать естественно и непринужденно, избегая излишней искусственности. Недаром, Тургенев так описал природу своего творчества: «У меня выходит произведение литературное, как растет трава» [Фокин, 2009, 241]. Л. Гроссман охарактеризовал манеру Тургенева следующим образом: «Спокойная созерцательность, свободная от всякой суетливой шумливости, криков дня и требований момента – вот основная сущность его артистической организации. Натура глубоко пассивная, художник-созерцатель по преимуществу <...> Тургенев в основе своего дара имел потребность бездумно, безотчетно и бескорыстно вглядываться и вслушиваться в жизнь, впивать все ее формы, звуки и шорохи и с великой безмятежностью отражать их вечно текущую сущность» [Гроссман, 1928, www]. Эта характеристика во многом совпадает с тем, как исследователи античности оценивают позицию певца, поэта в древнегреческом эпосе: «Древний поэт не отделяет себя от космической целокупности, он ощущает свою связь с миром как единым целым» [Асоян, 2015, 32].

Заключение

Несмотря на то, что гомеровские тексты осваивались Тургеневым через немецкие переводы Г. Фосса, творческая эволюция русского писателя, в процессе которой он сначала пришел к космическому трагизму, а потом начал от него отходить, проходила в том числе и под влиянием античной традиции. Природа, являющаяся для Тургенева одной из главных тем творчества, перестает восприниматься однозначно как равнодушная к человеку и его судьбе

стихия, а в духе античной онтологии приобретает черты мировой гармонии, созерцание которой дает художнику образец для творчества.

Библиография

1. Асоян А.А. К проблеме семиозиса «эллинского слова» в русской литературной классике // Критика и семиотика. 2015. № 1. С. 9-100.
2. Головкин В.М. Художественно-философские искания позднего Тургенева. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. 168 с.
3. Гроссман Л. Ранний жанр // Гроссман Л. Собрание сочинений: в 5 т. Т. III. Тургенев. Этюды о Тургеневе. Театр Тургенева. М.: Кн-во «Современные проблемы» Н.А. Столляр, 1928. URL: http://az.lib.ru/g/grossman_1_p/text_1919_ranniy_zhanr_turgeneva.shtml
4. Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII-XIX веков. М.: Индрик, 2001. 400 с.
5. Коньшев Е.М. Христианские мотивы в творчестве Тургенева // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 175-186.
6. Кренжолек О.С. В поисках сокровенного: Символы гармонии и простоты в творчестве И.С. Тургенева // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 25-29.
7. Курляндская Г.Б. Идеальное и реальное в творчестве И.С. Тургенева // Спасский вестник. 2010. № 18. С. 4-13.
8. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: в 2 кн. М.: «Искусство», 1994. Кн. 2. 569 с.
9. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. Т. I. М.: АСТ, 2000. 443 с.
10. Фокин П. (сост.) Тургенев без глянца. М.: Амфора, 2009. 492 с.
11. Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л.: ЛГУ, 1991. 436 с.
12. Чмшкян К.Г. И.С. Тургенев – литературный критик. Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1957. 148 с.

"Homeric" trace in the philosophical views of I.S. Turgenev

Anna A. Skoropadskaya

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of classical philology, Russian literature and journalism,
Institute of philology, Petrozavodsk State University,
185910, 33 Lenina av., Petrozavodsk, Russian Federation;
e-mail: san19770@mail.ru

Abstract

The article examines examples of homeric quotations given by I.S. Turgenev in his correspondence. Focusing on the German translation of J.H. Voss, Turgenev interprets some Homeric images in the spirit of cosmic tragedy. Meanwhile Homeric attitude is not pessimistic: with the help of natural images Homer conveys the laws of world harmony smoothly. Perhaps, in part, this ancient understanding can explain the retreat of the later works by Turgenev from the cosmic tragedy.

For citation

Skoropadskaya A.A. (2017) "Gomerovskii" sled v filosofskikh vozzreniyakh I.S. Turgeneva ["Homeric" trace in the philosophical views of I.S. Turgenev]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (3A), pp. 277-286.

Keywords

Homer, I.S. Turgenev, ancient tradition, cosmic cosmism, world harmony.

References

1. Asoyan A.A. (2015) K probleme semiozisa "ellinskogo slova" v russkoi literaturnoi klassike [The problem of semiosis of "Hellenic word" in Russian literary classics]. *Kritika i semiotika* [Critique and semiotics], 1, pp. 9-100.
2. Chmshkyan K.G. (1957) *I.S. Turgenev – literaturnyi kritik* [I.S. Turgenev as a literary critic]. Erevan: Erevan University.
3. Egunov A.N. (2001) *Gomer v russkikh perevodakh XVIII-XIX vekov* [Homer in Russian translations of the XVIII-XIX centuries]. Moscow: Indrik Publ.
4. Fokin P. (2009) *Turgenev bez glyantsa* [Turgenev without gloss]. Moscow: Amfora Publ.
5. Frolov E.D. (1991) *Fakel Prometeya. Ocherki antichnoi obshchestvennoi mysli* [A torch of Prometheus. Essays on ancient social thought]. Leningrad: Leningrad State University.
6. Golovko V.M. (1989) *Khudozhestvenno-filosofskie iskaniya pozdnego Turgeneva* [Artistic and philosophical quest of the later works by Turgenev]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo universiteta Publ.
7. Grossman L. (1928) Rannii zhanr [Early genre]. Grossman L. *Sobranie sochinenii: v V t. T. III. Turgenev. Etyudy o Turgeneye. Teatr Turgeneva* [Collected works: in V vol. V. III. Turgenev. Etudes about Turgenev. Theater of Turgenev]. Moscow: Kn-vo "Sovremennye problemy" N.A. Stollyar Publ. Available at: http://az.lib.ru/g/grossman_1_p/text_1919_ranniy_zhanr_turgeneva.shtml [Accessed 28/03/17].
8. Konyshev E.M. (2008) Khristianskie motivy v tvorchestve Turgeneva [Christian motives in the works of Turgenev]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gu-*

- manitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of Orel State University. Series: Humanitarian and social sciences], 1, pp. 175-186.
9. Krenzholek O.S (2009) V poiskakh sokrovennogo: Simvoly garmonii i prostoty v tvorchestve I.S. Turgeneva [In search of the inmost: Symbols of harmony and simplicity in the work of I.S. Turgenev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University journal], 325, pp. 25-29.
 10. Kurlyandskaya G.B. (2010) Ideal'noe i real'noe v tvorchestve I.S. Turgeneva [Ideal and real in the work of I.S. Turgenev]. *Spasskii vestnik* [Spassky bulletin], 18, pp. 4-13.
 11. Losev A.F. (1994) *Istoriya antichnoi estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya: v 2 kn.* [The history of ancient aesthetics. Results of millennial development: in 2 vol. V. 1]. Moscow: Iskusstvo Publ.
 12. Losev A.F. (2000) *Istoriya antichnoi estetiki. Rannyyaya klassika. T. I* [The history of ancient aesthetics. Early classics. V. I]. Moscow: AST Publ.